

О ВЫСАДКЕ В НОРМАНДИИ РАССКАЗЫВАЕТ СОЛДАТ 299-ГО САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА АРМИИ США ЧАК ХЁРЛБАТ

Chuck Hurlbut, 299th Combat Engineer Battalion

Я родился в Нью-Йорке и жил там примерно до семи лет. Потом умерла моя мать. Началась [Великая] *Депрессия*, мой отец был уволен, не мог найти и решил вернуться в сельские места штата Нью-Йорк. Там у него были родственники и друзья, и он надеялся, что в тех краях ему улыбнется удача. Так он вернулся в городок Оберн/Auburn. Но *Депрессия* была везде, и в Оберне было не лучше, чем где-либо. У него было двое детей, которых нужно было кормить, а работы все не было. В отчаянии он прибег к помощи своих родителей, и они предложили нам поселиться у них.

У них была ферма неподалеку от Оберна. Мы переехали на ферму, где я провел свое детство вплоть до окончания средней школы. Было мне тогда 16. Фактически, я провел свое детство на ферме, но знал, что никогда не смогу быть фермером. Там было прекрасно, но что-то подсказывало мне, что это не мое.

Окончив школу, я принял важное решение о том, что мне надо найти для себя нечто иное. Я покинул ферму не без грусти в душе, но родня утешила меня. Мои дедушка и бабушка пожелали мне удачи. Я уехал в Оберн и нашел там работу. Было мне всего 16, и надо было получать на это разрешение. Я играл на кларнете и вступил в местный оркестр. Еще играл в местных командах в боулинг и софтбол. Встречался с девушками, все шло хорошо. А затем грянул [Пёрл-Харбор](#).

Еще в школе я слышал о Гитлере и обо всех этих событиях в Европе. Все это до меня доходило. Однако я и не подозревал, какое сильное воздействие окажет на меня все это, пока не случился Пёрл-Харбор. Когда мы говорили о Гитлере и Европе, это была их война, нам незачем было туда влезать. Пёрл-Харбор все перевернул. Нас это так объединило, так вдохновило. Не думаю, что будет еще случай, когда эта страна будет столь единой...

Как вы окончили школу?

Тогда некоторые учителя думали: «Это исключительный ученик, давайте-ка дадим ему перескочить через ступень.» Так я перескочил через третий или четвертый класс. Меня всегда держали на год впереди ровесников, поэтому я всегда был самым маленьким в классе и самым молодым...

Доставалось ли вам из-за этого?

Не так уж сильно. Я был дружелюбным парнем. Думаю, я уживался со всеми вполне нормально. В последний год я был президентом класса, а мне было 16.

Итак, я в Оберне, надо получать разрешение на работу, но работа уже есть, а тут Пёрл-Харбор и мне 17. Я никогда не хотел идти в солдаты – это даже на ум мне не приходило. Но когда такое случается, у тебя появляется чувство: «Я должен сделать что-то.» Я был ошеломлен и не мог дождаться, когда мне стукнет 18, и меня смогут призвать. Когда мне исполнилось 18, я явился на призывной пункт и зарегистрировался. Через три месяца меня призвали, я прошел медицинское тестирование. После этого осталось ждать, когда тебя призвут.

Я получил уведомление: «Вы должны быть на автобусной станции *Greyhound* такого-то числа» в Оберне, Нью Йорк. Мы собрались там, 60-70 парней. Я думаю, это был самый большой призыв из Оберна. Там же были матери и отцы, возлюбленные, братья и сестры. Довольно много народу.

Наконец, нас посадили в автобус и отправили в Форт Ниагара/Fort Niagara – большой сборный пункт призывников в штате Нью-Йорк. Большинство парней знали друг друга: вместе ходили в школу, работали, встречались с девушками. Там был сильный дух товарищества. И мы говорили: «Ну, парни, так дальше не будет. Меня пошлют туда, тебя - сюда. Нас всех разбросают». Но и дальше примерно 90 процентов из нас остались вместе - мы не могли этому поверить. Мы должны были стать саперами. Нас это особо не заботило. Важно было, что мы были вместе, а мы будем- не имело значения.

Нас посадили на поезд и отправили в Кэмп Уайт/Camp White, штат Орегон, где формировался 299-й Саперный Батальон. Мы были в составе батальона с момента формирования и там же прошли базовую подготовку.

Первые несколько недель мы были посвящены базовым навыкам: строевой подготовке, марш-броскам, полевым выходам, тому, как почистить винтовку, и что такое пулемет. Затем нас стали учить тому, что делают саперы: наведению мостов, поиску мин. Мы были саперами (combat engineers). Перед нами стояли особые задачи из тех, которыми не занимаются большие инженерные части. Обычно думают, что инженеры строят огромные мосты. Саперы делают то же самое, но в уменьшенном масштабе, гораздо быстрее и под огнем. Мы учились быстро наводить штурмовые и колейные мосты через реки. Мы учились преодолевать реки вброд, минировать и взрывать мосты, собирать мост *Бейли* (сборно-разборный мост из инвентарных металлических ферм). Мы неплохо набили себе руку в этих делах...

Саперы 299-го Батальона учатся строить мосты

В дивизиях были свои саперы?

Сложный вопрос. Думаю, каждая дивизия имела свои инженерные части. Полагаю, каждая большая инженерная часть взводила постоянные сооружения. Войсковые саперы – это батальоны, состоящие из трех рот. Наверное, около 600 человек.

У вас был свой собственный штаб и подразделения обеспечения (service units)?

Да, была рота *H-and-S* - штабная (*headquarters*)/обслуживания (*service*), и линейные роты А, В и С. Итого, три роты и маленькая рота штаба и обслуживания, и это все. В итоге узнаешь, что вас называют *батальоном ублюдков/bastard battalion*, поскольку вы не входите в какую-либо дивизию. Вас используют там или бросают туда, где считают нужным. Обычно батальон подчинялся корпусу – оттуда приходят приказы, и они используют вас там, где этого требует ситуация.

В штате Орегон мы прошли базовую подготовку в Кэмп Уайт, а затем нас отправили на учения в пустыню. Я даже и не знал, что в восточном Орегоне есть пустыня. Там были скорпионы...

А гремучие змеи были?

И гремучники, и скорпионы, и зайцы – вы не поверите. Дикая жара весь день, ночью коченеешь от холода. И при этом ты находишься на учениях, все это в боевых условиях – и костра не разведешь. Сурово было.

Вы лично сталкивались со скорпионами?

Некоторых парней жалили и очень больно. У них [скорпионов] ядовитое жало. Так что мы постоянно были начеку насчет скорпионов.

И что делать, если вы нашли его?

Быстро на него наступить. [Кроме того], там всюду был песок. Он попадал вам в глаза и было неприятно. Мы жили в палатках. Это была имитация боевых условий.

Вы не думаете, что вас обучали для войны в северной Африке?

Можно было и так подумать, или вообще для боевых действий в пустыне. Я думаю, что они хотели, чтобы мы прошли через суровые условия. Но мы пережили все это вполне достойно и получили множество благодарностей.

Затем нас перебросили в Форт Льюис/Fort Lewis, штат Вашингтон, один из старейших и самых живописных армейских лагерей. Было так приятно иметь возможность принять горячий душ, переодеться и поспать на кровати. А еще у нас были увольнительные. Пока мы были в Форт Льюис, нам давали отпуска, так что я сел на поезд и съездил к своим в штат Нью-Йорк. Это заняло около четырех дней, но того стоило. Знаете, я не мог сам купить себе выпивку, пока был в отпуске – куда бы я не пошел, везде мне наливали за счет заведения, и это было прекрасно.

Когда я вернулся в Форт Льюис, нас стали обучать гораздо интенсивнее. Нас приводили в полную готовность. Мы думали, что отправимся на Тихий Океан. Я-то всегда хотел оказаться в Европе...

Саперы 299-го Батальона учатся обращению с пулеметом

А почему?

Как-то не хотелось на Тихий Океан. Джунгли. Малярия. Варвары-японцы...

Доходили ли до вас истории о зверствах японцев?

Это мы слышали по радио, поэтому я предпочитал Европу. Думал про себя: по меньшей мере, там у них есть дома. По меньшей мере, они выглядят как я. Я думал, в Европе будет лучше. Думал, что они будут соблюдать *Женевскую Конвенцию*. А там, на Тихом Океане, эти полоумные, эти камикадзе, эти варвары, которые никаких правил не придерживаются. Но все выглядело так, что нас отправят туда.

Затем, совершенно неожиданно, мы отправились во Флориду. Нас отобрали для прохождения морской десантной подготовки. Подводные подрывные работы. Отобрали всего несколько подразделений – у нас было приподнятое настроение, потому что, гляди-ка, нас выбрали из числа многих!

Мы отправились в Форт Пирс/Fort Pierce, Флорида в учебный центр флота, где обучали подводным подрывным работам, – в ведущий центр в данной области. Туда посылали армейские части, но это была флотская база. Мы были единственной армейской частью, оказавшейся там. У нас была такое чувство, что мы им не очень нравимся. Ни один армейский парень не мог делать, что умели они. Типа куда солдату до моряка. Они говорили нам, что делать, обучали всему, и у нас все хорошо получалось. Прошло немного времени, и мы стали делать то, что делали они, и во многих случаях у нас получалось лучше. Так их враждебное отношение к нам ослабло, они нас признали и приняли. Но это все-таки была база ВМФ...

А в барах были потасовки?

Да, мы ходили в город в увольнительные, кончилось тем, что мы стали ходить в армейские полицейские патрули – меня много раз в них назначали. Тебя назначают в военную полицию, и вы вместе с *Военно-Морской Полицией/SP - Sailor Police* патрулируете пляж. Тут и там были потасовки и споры. Я все это ненавидел, потому что там мог оказаться мой здоровенный приятель, 6 футов и 3 дюйма, которого мне нужно было вести под арест. Да это же мой приятель. Боже, как я это ненавидел...

Ну а с серьезным мордобоем в барах вы сталкивались?

Было пару раз. Обычно это происходило между моряками и солдатами, поэтому флотские полицейские разбирали своих, а армейские – своих, а гауптвахта была общая. Я это не выносил, потому что там были мои приятели. А за день до этого ты и сам был в такой ситуации, как и они. Но со временем все поняли, что через пару дней им придется делать по отношению к другим то, что сейчас делают с ними, и все успокоилось.

Мы прошли обучение, выходили в море и возвращались на берег в надувных лодках, тренировались в подрывном деле, рукопашном бое и все такое. Там было много высоких чинов – дело было в декабре 1943 г., приехавших посмотреть на нас, и мы устроили большое представление. Полагаю, мы оставили хорошее впечатление, потому что получили благодарность. Думаю, тогда они и решили, что эту часть можно использовать в ходе вторжения – такое у нас было чувство.

Тогда же мы и осознали, что мы больше не просто саперы, а спецподразделение – специалисты в методах десантирования. Некоторые из парней решили: «Эй, да это проще простого. Мы такие крутые». Но многие думали - «Да, куда бы нас не бросили, это будет самоубийственная миссия.»

А вы что чувствовали?

Что все будет проще простого. Я знаю, что делать, да и мы просто орлы. Мы сможем. Мне всего 18 лет, только что был мой день рождения. Когда тебе 18, тебя мало что волнует, ты просто рвешься в бой, ты – самый-самый. Просто пуп земли. Отличный настрой, но многие парни смотрели на все немного серьезнее, чем я. Многие дезертировали - думаю, потому, что у них были [дурные] предчувствия. Но всех их отловили и вернули в часть, и наш командир сделал все возможное, чтобы они попали в список участников вторжения.

Итак, мы отлично освоили свое ремесло. Мы знали, что высадимся на какой-нибудь плацдарм, только не знали где.

Нас отправили в Кэмп Пиккетт/Camp Pickett, штат Вирджиния, где мы провели всего несколько недель и прошли еще несколько проверок по пехотной подготовке. Здесь я впервые увидел немецких военнопленных. Они выполняли все работы на кухне. Я никогда не видел более счастливых парней. Они свое дело сделали, они приехали в Америку.

Вы с кем-нибудь из них говорили?

Нет, но, когда ты двигался в очереди [на раздаче], у них всегда были широкие улыбки на лицах. Они спрашивали: «Хотите добавки?» Мы потом видели много пленных, тысячи и тысячи, но счастливее тех, что были в лагере Пиккетт, я не видел.

Оттуда мы отправились в Кэмп Килмер, и кому времени все уже понимали, что все стало серьезно. Мы готовились к отправке. Нас еще погоняли, заставили заполнить множество документов, касающихся того, кто, станет бенефициаром [в случае гибели солдата], и наполненных малопонятными словами.

Было ли страхование обязательной в тот момент, или по желанию? Те самые 10 000 долларов.

Думаю, обязательной. Даже уверен.

А у вас кто был бенефициаром?

Наверное, мой отец. Детали как-то в тумане. Но помню, что страхование было, потому что мы говорили об этом: «Что ж, по меньшей мере, кто-то получит эти десять тысяч.»

В лагере Килмер мы были на карантине, и нас никуда не выпускали. Все было очень строго. Из лагеря нас переправили в Нью-Йорк на реку Гудзон, к пирсу, и вот там стоит и ждет этот уродливый транспорт, мы все строимся. А потом идем по трапу, и каждый тащит огромный вещевой мешок. А прямо перед этим пришли представители *Красного Креста* и вручили каждому небольшой швейный набор. Бесплатно. И это последнее, что я когда-то получал от *Красного Креста*. За все остальное потом с нас брали деньги. Дали мне бесплатный швейный набор – иголку, наперсток, и маленький моток ниток. Очень милые девушки, но это было все, что у них было. Когда мы поднимались по трапу, играл оркестр. Судно называлось *Exchequer*.

Ну, нас погрузили на судно в конце марта, потому как в пути мы отмечали Пасху. Когда мы отправлялись, то играл оркестр, девушки из Красного креста нам махали, а мы брели по трапу на это судно. Думаю, мы провели на судне ночь, а утром отправились в путь. Мы увидели *Статую Свободы*, а на выходе встретились с множеством других судов, которые собирались в конвой. С ними было несколько эсминцев и большой линкор впереди.

Жизнь на судне казалась сплошной очередью в столовую. Особого аппетита не было – морская болезнь и тошнота были у всех. Но ты все равно спускаешься в камбуз, а там совершенно невозможная гарь – получаешь завтрак, возможно, яичницу или что-то в этом роде. Потом поднимаешься на палубу. К тому времени, как ты выбрался, наступает время становится в очередь на ланч. На ланч обычно давали яблоко, сэндвич, что-то холодное. А потом ужин. Одна непрерывная очередь за едой. Но иногда было время почитать, поиграть в карты, в покер, некоторые ребята играли в кости. Иногда мы немного делали гимнастику, офицеры собирали нас и учили распознавать самолеты – нам показывали силуэты вражеских самолетов, и мы должны были их различать. Но это все было по очень гибкому графику. Главным развлечением дня было наблюдение за учениями зенитчиков. Сперва стреляло одно судно, потом другое, потом третье. Флотские зенитчики были молодцы – все так синхронно и скоординировано – одно удовольствие смотреть.

Где-то на полпути объявили минную тревогу. Мы были напуганы, поскольку были посреди Атлантики. Каждый надел спасательный жилет, все выбрались на палубу, а там темно как в погребе. В ту ночь луны видно не было. Просто стоишь и ждешь, не знаешь, что происходит. Но вскоре мы услышали, что один из наших эсминцев обнаружил лодку, по ней отбомбились и уничтожили ее. Было приятно это услышать... Но в ходе тревоги у одного из парней случился приступ аппендицита, и его надо было немедленно оперировать. Так что все это время врач его оперировал внизу. Парень был крепкий, из Оберна, штат Нью Йорк, он выжил. Ну и ночь была....

Пришло Пасхальное Воскресенье, собрались капелланы и провели многоконфессиональную службу. Моряки, солдаты – все были вместе. Церемония была простенькой, без излишеств. Но сама обстановка: океан, корабли, прекрасный день. Это была самая памятная и значимая религиозная церемония в моей жизни. Я не очень религиозен, но та служба меня действительно пробрала ...

Когда мы вошли в Ирландское море, конвой разделился, и наш транспорт пошел в направлении Бристольского залива/Bristol Channel, расположенного у берегов северного

Уэльса. Неожиданно подлетели британские самолеты, чтобы поприветствовать нас. Они пикировали, типа «привет, привет». Сопроводили нас вверх по заливу до Кардиффа, где мы сошли на берег. Случилась какая-то накладка, и ночь мы провели на судне. На следующий день мы выгрузились, и было так приятно вновь ступать по земле после десяти дней в море. Просто пройти по земле...

У вас была морская болезнь?

Не слишком тяжкая. Я чувствовал себя неважно, да и всех мутило. Некоторым парням было совсем плохо, и они провели много времени у лееров.

Итак, в Кардиффе нас повели через город, и на нашем пути везде были англичане с маленькими флажками, которыми они махали, говоря при этом: «Hi, Americans!». У кого была с собой жевательная резинка, тот бросал ее им. Все это было замечательно и поднимало настроение. Затем мы сели на поезд и направились в городок Илфракомб (Ilfracombe), расположенный на западном побережье. Первое, что мы заметили, были бараки из гофрированного железа (*quonset huts*) и кучи угля. Воздух был пропитан его запахом, поскольку все их маленькие печки были на угле, и он просто сшибал с ног. Для нас это было странно. Но по прибытии мы приняли горячий душ, улеглись в отличные постели, было тепло и мы были в безопасности. Но здесь мы опять приступили к боевой подготовке. Кажется, это был лагерь Бронтон/Braunton. У нас был один день на отдых, после чего мы оказались на побережье Па-де-Кале, повторяя то, чему научились в лагере Форт Пирс. Практиковались в высадке на берег с резиновых лодок – учения, учения, учения...

Затем нас переместили южнее, кажется в Дорчестер/Dorchester, в лагерь под названием D-2. Здесь мы услышали все последние новости. Мы знали, что скоро будет вторжение, но не знали, когда и где. Тогда нас начали посвящать в детали. Нас собрали, появилось множество высоких чинов, и нам стали рассказывать о высадке: «Мы ждали этого так долго, мы хотели, чтобы все было подготовлено должным образом. Нам нужны были снаряжение, логистика и план действий. Более всего нам были нужны люди, обученные надлежащим образом. Мы чувствуем, что все это у нас есть... *Бла-бла-бла*... И мы хотим, чтобы вы знали – 299-й Батальон был выбран для участия во вторжении»..

Кто это сказал?

Какой-то важный генерал. Итак, мы должны будем пойти в первых рядах. Воспринято это было со смешанными чувствами. Мы знали, что нам предстоит высадка – это не было большой новостью. Мы почувствовали большое облегчение, потому что, по меньшей мере, уже скоро это должно было произойти и нас выбрали для этого. Но мы все еще не знали, где и когда это произойдет.

К этому моменту вы уже успели попрактиковаться в использовании настоящих мин и боеприпасов?

Мины? Нет. Настоящие боеприпасы – да, еще в Штатах у нас были занятия, во время которых мы ползли на брюхе под колючей проволокой, а поверх нас стреляли из пулеметов.

Были ли тогда несчастные случаи?

Один парень встал. Каким-то чудом в него не попали, но нас сильно отругали. Все было с настоящими боеприпасами, а чтобы сделать все еще ближе к реальной ситуации, они понатыкали вокруг зарядов, которые взрывались со звуком *Пцу-у-у, Пц-у-у-у!* Совсем не шутка...

Вернемся в лагерь *D-2* – нас сильно ограничили в передвижениях, все было очень секретно. Никаких увольнений. Но нас содержали как королей. Все время показывали кино – первоклассные фильмы. Еда была превосходной. Мороженое. Сладости. Сигареты. Все, что захочешь. Так все было классно, что мы решили полностью на этом оторваться, раз уж нас откармливают на убой...

А что, ребята так говорили?

Нет, но такое было настроение. Мы знали, почему к нам такое отношение... У нас была самоубийственная миссия, и многие парни так думали. У многих было очень тяжело на душе, потому что они знали, чем будут высадка на побережье. И я так же себя чувствовал. Но я пытался приободрить моих приунывших товарищей и говорил: «Эй, все не так плохо. Веселее.»

А как было видно, что люди в депрессии?

Ходят мрачные, плохо спят. Посмотришь на них и видишь, что в них поселилась безнадега. Я пытался держаться с ними с бравадой, знаете, приободрить их. И, я думаю, то, что, что я делал, снимало с меня самого стресс, изгоняло из меня депрессию. Но мне было так же страшно, как и другим.

Мы покинули этот лагерь и переместились в Уэймут/*Weymouth* – в наш порт погрузки, прямо на берегу Ла-Манша. Южная Англия. По пути на юг мы видели бесконечные акры земли, уставленные всеми видами военной техники и снаряжения: танками, цистернами, пушками. Миля за милей. И вот мы задумались: что, 98% всего этого привезли из Соединенных Штатов, перекинули через океан? Боже, в это было трудно поверить... Прибыли в Уэймут - это был сумасшедший дом. Порт был забит судами, двигавшимися во всех направлениях: большими, малыми, всех видов. Весь город был забит транспортом. Шли части по направлению к своим десантным судам, танки и грузовики стояли рядами и ждали погрузки на конкретное судно. Приходило судно, получало назначение и вам надо было получить указания на погрузку. Всюду военная полиция. Полная мешанина, но это была организованная мешанина. Каким-то образом поддерживался порядок, и все добиралось до места назначения. Мы оказались на стареньком английском пароходе *Princess Maude*. Ну и название! Маленькое судно. Когда мы погрузились на него со всем своим снаряжением, на нем нельзя было пошевелиться. Даже гимнастику не сделать. Да ничего не сделать. Просто находишь место, чтобы сесть, и берешься за книгу. О том, чтобы спуститься в каюты, не было и мыслей, так там было так тесно и грязно, да и проклятое судно качало. Оно стоит в гавани и его качает, качает, качает... Половину парней, которые страдали от морской болезни по дороге через океан, снова скрутило, даже еще хуже...

Правда ли, что был шторм, из-за которого задержали вторжение?

Да. До этого нас много раз инструктировали в *D-2*, и мы знали, что *D-Day* будет 5 июня. Мы все настроились на это, приготовились к этому. И так, мы на судне, готовы к отплытию, и тут неожиданно нам говорят, что все откладывается на 24 часа. Это означало, что нам предстояло провести еще сутки на этой качающемся сумасшедшем корыте. Это было ужасно, а парни болели все сильнее и сильнее...

Но был один счастливый момент: один из наших парней – а команда была английская, и у них был камбуз - уж не знаю как, уговорил людей из пекарни дать ему буханку хлеба. Было это два вечера подряд. Каждую ночь парень приносил две или три буханки хлеба. Без масла. Просто горячий свежий хлеб, но на вкус словно пирог. Это было наилучшие моменты в те дни. В полночь каждому доставался большой ломоть хлеба. Как нашему парню это удалось, осталось неизвестным, потому что он был убит в *D-Day*.

Еще в лагере D-2 нам показали модели побережья. Самолеты делали снимки, их проявляли и передавали прямо на флотилию вторжения, так что мы видели фотографии всего пляжа, сделанные несколько часов назад. И в плане того, что нам предстояло делать, все выглядело плохо. В батальоне было восемь штурмовых групп, и нам предстояло расчистить проходы через всевозможные заграждения: тетраэдры (*надолбы в виде бетонных пирамид – зубы дракона*), ежи, *Бельгийские Ворота (Belgian Gates – тяжелые стальные заборы)*, расставленные вдоль всего пляжа. Мы чувствовали в себе уверенность в том, что справимся с этим, потому что нас этому обучили. И вот все отложили на день, из-за чего нам предстояло провести еще день в мучительном ожидании...

Мы покинули Уэймут, поскольку на следующий день было шестое июня, *D-Day*. Вышли в море и сразу оказались среди сотен и тысяч судов и кораблей. Мы оказались в большой точке сбора, ее называли *Piccadilly Circus*. Я не могу описать количество судов и их виды, они все просто толклись вокруг. Наконец, всем им указали свое направление, и мы пошли дальше. Мы прибыли в точку сбора, находящуюся в 10-12 милях от участка *Омаха*, примерно в полночь и остановились. На всем пути море сильно штормило, страдавшим от морской болезни становилось все хуже, другие тоже начинали болеть. Офицеры говорили нам: «Попробуйте поспать.» Но мы не могли заснуть. Добираешься до своей койки и думаешь о том, что произойдет завтра.

Завтрак был великолепным. Это британцы постарались. Нам дали, все что можно было пожелать. Жареные яйца желтком вверх и вниз, омлеты – все, что попросишь – они делали. Кофе. Тонны кофе. Несколько парней, и я с ними, ушли в небольшую каюту: мы сидели и болтали о том, о сем, затем двое или трое офицеров заглянули к нам и спросили: «Можно присоединиться?». Мы были рядовыми и капралами, а они – офицерами, но они сели с нами, и их стало невозможно отличить. Мы просто говорили о фильмах, машинах, возлюбленных, внуках. О детях, оставшихся дома. Обо всем, кроме войны. Так мы провели целый час за болтовней. Мы даже не почувствовали, что среди нас офицеры. И я подумал, господи Иисусе, им же завтра вести нас в бой. Но им этот разговор был так же нужен, как и нам. Он им помог, снял напряжение...

Предполагалось, что мы отправимся спать, но мы не могли заснуть. Мы поднялись на палубу и попытались осмотреться, но было темно, море штормило, а вокруг были тысячи судов. На горизонте мы видели большие боевые корабли. Слышно было, как кто-то играет на гитаре – звук хорошо разносился над водой. Вроде, мы попытались разобраться по койкам и немного поспать, но не могли. Мы лежали и думали о доме. Мы слышали, как над нами прошли самолеты, с которых должны были сбросить парней из 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий. Мы пожелали им удачи...

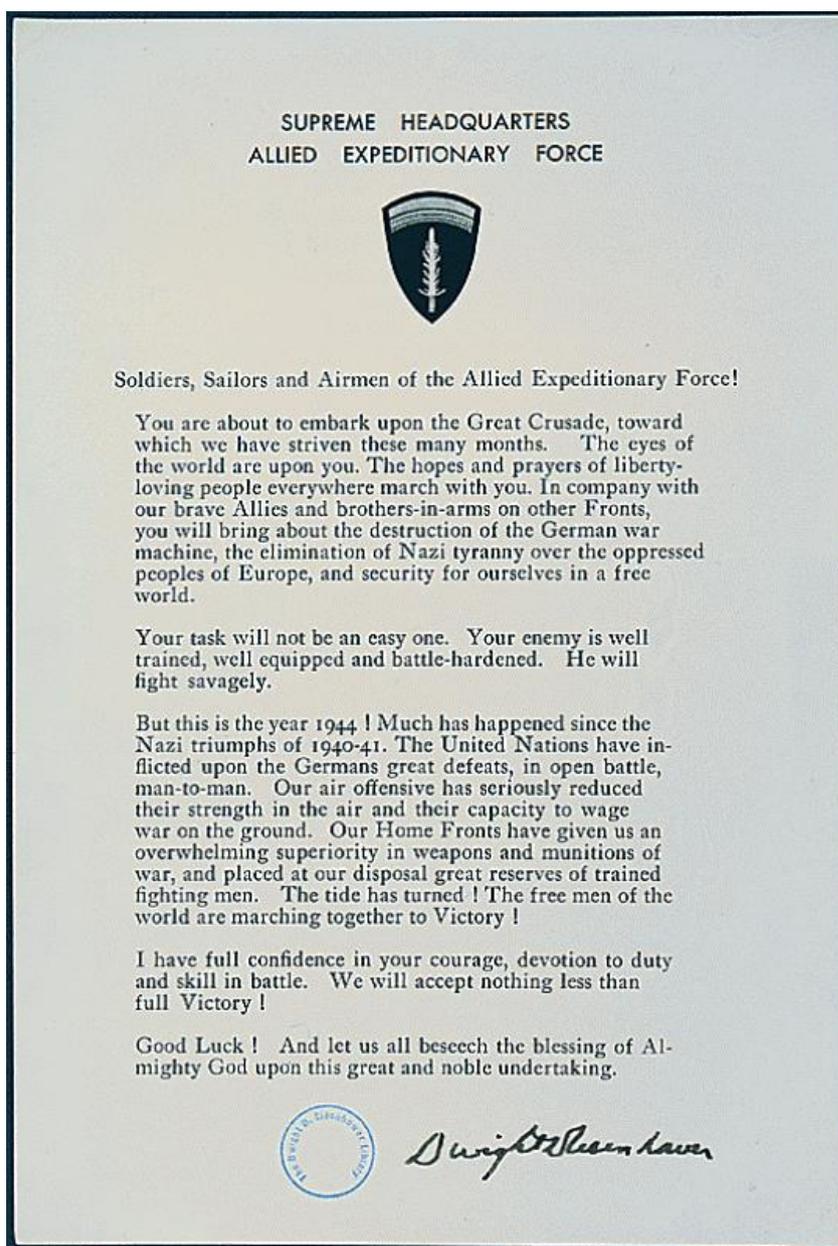
В два или три утра нас подняли. Позавтракали – те, кто чувствовал себя в состоянии есть. Очень многие на завтрак не пошли, и это при том, что там было все, что пожелаешь. Я, например, съел две порции пудинга с заварным кремом. Хорошо поел... но многие есть не пошли. Всегда думал, что они восприняли это как *Тайную Вечерю* и не хотели принимать в ней участие.

Настало время готовиться. Сперва – в галюн. Парни начали бриться, причесываться, один даже побрызгал на себя одеколоном. Можно было подумать, что мы собираемся в воскресную увольнительную... У меня и у многих моих товарищей были бородки, так что мы потратили несколько минут, чтобы привести их в должный вид. Я сейчас поверить не могу, как тщательно мы все это делали – бритье, подмышки, душ...

Стали снаряжаться. У всех было новое нижнее белье. Вроде, были кальсоны. Кажется, майки, кальсоны, куртки. И нам выдали пропитанные чем-то комбинезоны – они были такими жесткими, что почти могли стоять сами по себе. Они были обработаны каким-то раствором и могли защитить от газов. Все это надели, потом ремень, противогаз, через грудь – бандольер с патронами. На ремне у тебя штык, фляга, пакет первой помощи и еще

патроны. Шлем. Я проверил, что подбородочный ремень опущен. И винтовка. И еще рюкзак, в котором котелок, лопата и всякие личные мелочи. Всего на 50-60 фунтов. И предполагается, что со всем этим ты будешь высаживаться и будешь подвижным...

Сию и думаю – есть несколько минут. Достал семейные фотографии, посмотрел на них. Еще у меня было письмо от Эйзенхауэра, которое он разослал всем военнослужащим – я его еще раз прочел. Сию, делаю все это, и тут сзади ко мне подходит мой приятель. Близкий приятель. Мы с ним через многое вместе прошли. И вот он распахивает свой комбинезон, и я вижу у него на шее самый отвратительный, безвкусный и диковинный галстук из всего, что я видел в жизни. Невероятно, я даже не могу описать расцветку! Думаю, его друзья или кто-то еще прислали ему этот галстук, и он повязал его для высадки. Ну мы поржали над этим, похихикали и подумали о том, что пережили и что нам еще предстоит. Стали планировать путешествие и то, что мы собираемся делать, когда окажемся в Париже...

Письмо Эйзенхауэра солдатам, морякам и авиаторам союзных вооруженных сил, разосланное перед высадкой в Нормандии

Прозвучал приказ подняться на палубу. Мы обхватили друг друга руками и побрели наверх, иначе со всей выкладкой мы бы этого не сделали. Поднялись, собрались, стали подкалывать друг друга: «Не забудь рассказать моей матери обо всем этом, если больше не увидимся», и так далее.

Затем мы спустились по грузовой сетке. Море очень сильно штормило, и *LCVP*, наш десантный катер, было нелегко удержать вплотную к транспорту. Я уже на полпути вниз, но тут долбаная сеть подлетает вверх, я смотрю вниз, а там бурлящая вода. Но я спустился. Все оказались в катере, не думаю, что кто-нибудь был при этом травмирован. Посреди дна катера находилась надувная лодка со взрывчаткой, поэтому все парни встали вокруг нее.

Мы погрузились, и я уверен, что рулевой и его помощник были из *Береговой Охраны/Coast Guard*. Мы отошли от судна, направились к другой точке сбора, а затем начали ходить кругами, поджидая другие катера, чтобы дальше идти с ними. Катера подходили и уходили, было непонятно, что говорят, но слышно было, как кричали в рупор «Катер А, вернуться в строй, Шеренга А, подать назад» и прочее безумие. Вскоре группа катеров выстроилась. Время было очень важно, и нужно было ждать точного момента. Мы были примерно в 12 милях от берега, а катера были не очень быстрыми, то есть, я думаю, от данной точки до берега было часа два. Мы должны были достичь берега в 06.33, то есть, было где-то около 4-х утра.

Неожиданно мы тронулись с места, по обе стороны от нас – похожие катера. Мы пытались высматривать наших приятелей на них, но ничего не получалось. Мы что-то кричали друг другу, но ничего не было слышно. Сильно штормило. *LCVP* – это не крупные суда, мы шли вперед, и, казалось, что чем больше скорость, тем меньше качка. Волны захлестывали нас, уже через десять минут воды в катере было почти по колено. Парни начали плевать, и рвота плескалась в воде по всему катеру. Я начал понимать, что половина из этих ребят была больна уже в Уэймуте, и сейчас им еще хуже. Им предстоит столкнуться с самым суровым испытанием в жизни, а физически они не на том уровне, который нужен им, чтобы сделать свое дело. Я, каким-то образом, чувствовал себя совсем неплохо. Мой товарищ стоял прямо передо мной, он повернулся, снова показал свой галстук, а я в ответ показал ему большие пальцы.

Как его звали?

Том Легаси (Tom Legacy) из Ниагара Фоллз/Niagara Falls.

Да, когда мы тронулись к берегу, боевые корабли открыли огонь из больших орудий. В жизни не услышишь такой шум. Невероятный шум. До этого мы слышали, как летят бомбардировщики. Предполагалось, что они отбомбятся по пляжам. Когда мы подошли ближе, то увидели, как истребители поливают пляжи огнем. По пути мы прошли мимо ракетного корабля – большого, плоского, пускающего ракеты со звуком *п-щ-у-у, п-щ-у-у*. Мы видели ракеты во Флориде, но с этим их было не сравнить. Как что-то могло уцелеть под всем этим огнем? Все будет проще пареной репы. Там ни одной живой души не останется. Это поднимало настроение. В Англии нам обещали, что весь пляж будет в воронках, что понадобится всего лишь запрыгнуть в одну из них, чтобы найти там укрытие... Так что мы чувствовали себя неплохо, когда видели бомбардировщики, ракеты и обстрел [с кораблей]. Мы прошли мимо десантного корабля, на который были погружены танки. Это были танки с большими брезентовыми бортами над корпусом. Это была идея британцев. При сходе на воду эти брезентовые борта должны были удерживать их на плаву и дать возможность выйти на берег. И вот эта штука начинает спускать танки на воду. Один сошел – *бульк*, и сразу на дно. Можно было ожидать, что они поняли: где-то что-то пошло не так. Второй пошел – *бульк*. Три или четыре ушли на дно таким образом. Мы в это время находились рядом с ними. Неожиданно в воде показались парни [танкисты], они боролись за жизнь, за воздух, как пробки на воде... Можно было ожидать, что мы остановимся, чтобы

подобрать их. Но нет. У нас была своя задача. Парни кричали, орали – это было ужасно. Нам пришлось пройти совсем рядом с ними и оставить их барахтаться в воде. Надеюсь, их спасли. Точно не знаю, но думал я так: «Эй, полагаю, это война. На сочувствие нет времени. У нас своя задача, и ничто не может ей помешать.» Болезненный момент.

Так вы сами видели, как танки шли на дно?

Они просто исчезали. Тут все смешалось. Некоторые из рулевых на десантных судах испугались или что-то еще произошло. Были случаи, когда офицеру приходилось приставлять пистолет к голове такого малого, чтобы заставить его вывести судно на такую глубину, чтобы парни смогли выжить. Были случаи, когда парней высаживали со всем снаряжением там, где воды было с головой, много случаев, когда рулевые делали все не так, как надо. Бес попутал, или еще что-то произошло, но спускать эти танки на глубокую воду было безумием: они не были для этого приспособлены. В британском секторе высадки все сработало, танки использовали по уму, но на пляже *Омаха* все сделали неправильно...

Итак, подходим к берегу, офицер на носу, и он начинает сходить с ума. Стоит у аппарели, высматривая ориентиры. И мы видим пожары на обрывах, горит трава – это наши снаряды постарались. На пляже никакого движения. Ни одной души. Ну, думаешь: «Бог ты мой, после всего этого артобстрела и бомбежки тут ничего нет, все будет очень просто.»

Подходим ближе, и офицер смотрит то на карту, то поверх нее и ругается по страшному, до нас доносится слушок: «Мы не в нужном долбаном месте.» И это было правдой по отношению почти к каждому десантному катеру, участвовавшему в операции. Не учли то, насколько сильным будет приливное течение, и всех снесло влево, восточнее участков, где они должны были десантироваться. То есть, когда люди высаживались, они не видели ориентиров – их просто не было там, где их ждали. И с нами было то же самое. Нас планировали высадить на пляж *Easy Red*, а высадились мы, я думаю, на пляже *Fox*, следующем на восток. Но когда ты высадился, где бы ты ни был, везде есть заграждения, и ты идешь делать свое дело, что бы ни находилось напротив тебя. Так предполагается...

Ну, все тихо–спокойно, и тут ни с того, ни с сего *дзынь-дзынь-дзынь-дзынь-тррр* по аппарели, и мы слышим, как по нам бьют пулеметы. Что-то пошло не так. Опустили аппарель. Насколько я знаю, мы все покинули катер в порядке, но потом началось побоище. Боже мой, парни вокруг меня стали падать и кричать. Каким-то образом лодку спустили на воду, и она оказалось прямо за мной. А там вся взрывчатка. Я схватил фал и говорю: «Эй, сейчас оттащу ее туда, где мы сможем ее использовать.» Перебросил фал через плечо и стал тянуть. Внезапно я почувствовал, что тянуть стало тяжелее. Оглянулся и увидел, что в лодку закинули три трупа. Двое лицом вниз, не помню, кто это был, а один – лицом вверх. Я знал, кто он. Продолжаю тянуть лодку, и тут неожиданно – БУМ! Это мина попала в лодку. Вся наша взрывчатка взлетела на воздух. Меня отшвырнуло, ноги взлетели выше головы. Думаю, я потерял сознание. Когда я пришел в себя, я стоял на четвереньках и плевался кровью. Голова у меня просто разламывалась. Чтобы понять, что произошло, потребовалось несколько минут. Я сел, потянул веревку, и все, что осталось на ее конце, это кусок рваной резины. Трое парней исчезли...

Кто был тот парень, которого вы знали?

Его звали Чарлз Бёрт (Charles Burt). Забыл, откуда он был, но точно из штата Нью-Йорк. Уверен, что знаю, кем были остальные двое парней, но не хочу говорить, потому что не могу это доказать. Но в душе знаю, кто они были...

Ну попробуйте...

Думаю, это были мои приятели из Оберна Джонни Спинелли (Johnny Spinelli) и Винс ДеАнджелис (Vince DeAngelis). Но поклясться не могу. Их так и не нашли, они числятся пропавшими без вести...

Я увидел группу наших ребят, залегших впереди меня и стал им кричать. Один из них был офицером. Он сказал: «Мы потеряли взрывчатку. У нас не осталось людей. Каждый теперь спасается как может. Постарайся выбраться на берег.» Я попытался остаться вместе с ними, но вскоре мы потеряли друг друга, и я остался сам по себе. Я начал продвигаться от одного препятствия к другому и набрел на парня, который лежал в воде и стонал. Полный прилив еще не наступил, его просто омывали волны. Посмотрел на него – боже мой, мой приятель. Один из друзей. Я видел, что его ноги сильно покалечены. Сквозь плоть была видна кость, одна нога особенно пострадала. Вторая была тоже ранена, но с этой у него было все по-настоящему плохо.

Если бы я оставил его, он бы просто утонул. Я – парень небольшой, а он был довольно крупным. Я знал, что не смогу поднять его и утащить. Попробовал и то, и это, в итоге, схватил его подмышки и потащил. Двигались мы медленно, мучительно медленно, и я выбился из сил. Дело это было совсем нелегкое. И я надеялся и молился о том, что немцы, которые там, наверху, снайперы, пулеметчики, может быть, увидят нас и пожалеют: ведь один парень пытается спасти другого, может, пронесет. Ведь есть другие, более важные цели. И это сработало, поскольку никто не стал в нас стрелять.

Тут, совсем неожиданно, рядом появился танк. Не знаю, откуда. Маленький танк. Парень из башни посмотрел вниз. Мне ничего и говорить не пришлось: он видел, в каком мы были бедственном положении. Спрыгнул и сказал: «Приятель, у тебя неприятности» или что-то такое, я забыл, но схватил раненого за руку, я - за другую, и мы подтащили его к дюне. Затем танкист сказал: «Удачи тебе. Не принимай близко к сердцу» и быстро ушел назад к танку. Не знаю, как его звали, не знаю, из какой он был части. Из тех, что высаживались в *D-Day* в час *H* одними из первых. Вот же сукин сын. И вот он помог мне подтащить раненого к дюне...

А как звали парня, которого ранило?

Джоу Нокович (Joe Nokovic) из Баффало, штат Нью-Йорк. Я никогда больше его не видел. Он никогда не появлялся на встречах однополчан, не давал о себе знать. Когда я нашел его, он был без сознания. Не думаю, что он знал, кем был я, и как все случилось. Но я слышал, что он потерял ногу, а потом стал водителем грузовика, верите или нет? Водитель. Он до сих пор жив, насколько я знаю. Но ногу потерял. Помню, что затащил его на дюну, огляделся. Я уже говорил, что ему был нужен врач. У каждого из нас был пакет с сульфонамидным порошком. Я не знал, что с ним делать, и посыпал им все, что мог.

Левую ногу?

Вроде, да. В общем, я обсыпал все порошком, а потом нашел санитар, который сделал ему инъекцию морфия и сказал: «Я больше ничем не смогу ему помочь. Оставь его здесь, мы развернем перевязочный пункт и отправим этих ребят на судно уже скоро, очень скоро.» Я послушался и сказал: «Джоу, благослови тебя Господь» и все такое прочее. Но он не понимал, что происходит. Очевидно, санитар сумел доставить его на судно.

Ну а я добрался до дюны, цел и невредим. Сажу и смотрю вокруг на весь этот хаос и разгром. Парни плавают в полосе прибой – мертвые и раненые. Раненые кричат, а ты сидишь на дюне, смотришь на море и видишь, как горят и дымятся корабли. Это был судный день, Армагеддон. Если это война, то мне на ней не нравится. Все замечательные планы, которые мы строили и старались реализовать, - все это пошло прахом... все вверх дном, кругом хаос.

Вы были в шоке или как-то собрались?

Полагаю, что был в шоке, да. Остолбенел. Не мог поверить, что такое происходит. Все пошло не так, как предполагалось, и вы не могли с этим справиться. Это была совсем другая игра, мы ее не планировали и к ней не готовились. И это так на вас влияло, что вы не знали, что делать, не было командиров, ничего. Только чистый хаос. И тут еще вы видите всех убитых, ваших друзей. С этим тяжело справиться, когда ты в первый раз видишь смерть. Чью бы то ни было. А тут твой близкий друг – ох, это больно. Это тебя всего пробирает, каким бы крутым, храбрым и боевитым ты себя до этого не чувствовал.

И когда я притащил Джоу к дюне, то сказал себе: «Я совершенно один». Мы, возможно, были первыми, кто продвинулся так далеко – вокруг никого не было. Я с огромным трудом нашел для него санитаров, поскольку все они были вдали. И вот, когда я нашел санитаров и понял, что о Джо позаботятся, то решил, что так дальше дело не пойдет и настало время поискать своих ребят. Я полагал, нам нужно было перегруппироваться и начать убирать препятствия после того, как уйдет прилив.

И вот, пока я там сидел, то увидел, как ярдах в 60 от меня вдоль пляжа бредет какой-то парень, спотыкается, хромает. Рюкзак разодран, одежда – в клочья. Одна рука просто болтается. Он повернул голову, и я увидел, что ему снесло полголовы. Что-то подсказало мне — его фигура или походка - я знаю этого парня. Он повернулся ко мне, взглянул на меня, и сквозь его драную одежду и кровь и разглядел тот самый галстук. Не думаю, что он понимал, кто я или вообще что-то. Я хотел прокричать ему что-то, но не смог: я застыл и потерял голос. Я не мог сдвинуться с места, а он просто побрел прочь ...

Он вас не узнал?

Не думаю. Уже никогда этого не узнаю.

Так он оказался в списке погибших?

Да... Господи, так смешно... Никогда не хотел быть солдатом – последнее, чем я бы хотел заниматься в жизни. Но, как я вам говорил, мое мнение изменил Пёрл-Харбор. Вы знаете, было весело, все эти марши, упражнения. Куча прекрасных людей, которые развлекались. До того дня я не понимал, что значит быть солдатом...

Потом я посмотрел на восток и увидел флаг с красным крестом – там находился пункт первой помощи. Мне показалось, что в том месте много людей, и я решил пойти и поискать там своих. Недалеко от меня был танк. Я подбежал к нему и увидел, что он полностью сгорел, а изнутри идет дым. Надеюсь, что они успели выбраться. Постоял у танка, выкурил сигарету, еще раз посмотрел на все это смятение, хаос и разрушения. Потом добрался до пункта первой помощи. Он находился под утесом приличной высоты, футов 100-150 в дальнем конце пляжа. Там были сотни парней. Они были в замешательстве, дезорганизованы, порядка никакого не было. Они потеряли своих командиров. Повсюду раненые, и носилки, носилки, носилки. Санитары старались изо всех сил, многие G/ помогали им. Неподалеку от берега было госпитальное судно, туда переправляли носилки с ранеными. Я прошелся между носилками – мне казалось, что каждый третий парень был из числа моих приятелей. Стало понятно, почему я не мог никого найти в месте высадки – они все уже здесь. Каждый из них протягивал мне руку, некоторые говорили: «Расскажи об этом моей жене, расскажи об этом моей матери» и все такое.

Тяжелые ранения?

Да. В основном, ранения в живот. Ранения в ноги. Насколько я знаю, все эти парни потом оказались в Англии. Те, кого мы потеряли, были убиты мгновенно [на участке высадки]...

Я начал подыскивать себе винтовку. В голове была мысль: «Мне сильно достанется. Я потерял свою винтовку.» Сами понимаете – армейская дисциплина. Нашел и взял одну: вокруг из были разбросаны сотни. Она была забита песком, я за несколько минут разобрал и почистил ее. Тут неожиданно я увидел группу своих парней и присоединился к ним. Поговорили, сошлись на том, что дело пошло не по уму, но мы были саперами, и, совершенно однозначно, мы должны идти на свой участок и сделать то, что не сделали утром. Этим мы и занялись. У нас не было приказа продвигаться вглубь суши. Наш долг состоял в том, чтобы сделать свою работу.

Саперы 299-го Батальона на пляже Омаха. D-Day

Этим мы и занялись. Позднее тем вечером подошли какие-то офицеры-саперы и спросили: «Саперы есть?» Они, вроде как, сорганизовали нас. К этому времени у них уже выгрузили пару бульдозеров, мы сняли несколько мин, но большую часть работы проделали бульдозеры. Мы взорвали препятствия и расчистили большой, широкий участок пляжа.

Вас обстреливали?

О, да. Снайперы. Минометы. Время от времени падали снаряды. Поскольку на участке находился флаг с красным крестом, его сильно не обстреливали. Немцы учитывали, что там находится перевязочный пункт. Но иногда прилетал снаряд. Но на самом деле нас спасло вот что - и один из моих приятелей потом написал об этом – вплотную к берегу подошли эсминцы, так близко, что мы удивлялись, как они еще не сели на мель, и стреляли по [немецким] ДОТам, которые вели огонь. Находившийся на берегу танк стрелял по ДОТу, показывал кораблю цель, а потом корабль стрелял. И его орудия, они били так – *бам-бам-бам-бам-бам*, а потом на обратном ходе – *бам-бам-бам-бам-бам*. Они выбили ключевые ДОТы, которые реально выкашивали плацдарм. Мой друг, и я с ним согласен, писал, что если бы не эсминцы, то мы бы не смогли пробиться. Они [эсминцы] сыграли важнейшую

роль в том, что сопротивление противника было подавлено, потому как около 11 часов [вечера] мы услышали, что Брэдли на судне управления принял решение свернуть лавочку: парни, мы переходим на плацдарм *Юта*, где дела пошли намного лучше. Они собирались бросить нас, как это было под Дюнкерком! Помню, как я представил себе сотню немецких танков, спускающихся с береговых уступов, а прямо за ними - тысячи вопящих эсэсовцев и то как нас уничтожают. А куда мы денемся: в воду, что ли? Помню, как мне все это привиделось...

И тут неожиданно откуда-то появились один парень, другой, какой-то сержант: «Давайте-ка, ребята, пойдём и разберёмся с ними!» Он повёл людей вперёд. Они уничтожили снайперов. Потом взорвали ДОТ. Где-то в час ночи, я никогда этого не забуду, на холме, далеко от нас, мы увидели американцев, которые махали нам руками: «Давайте сюда!» Кем бы они ни были, это были герои. Ими никто не командовал, но они проявили солдатский дух и инициативу: «Мы не собираемся тут гибнуть, давайте, пойдём разберёмся с ними». Они небольшими группами то там, то здесь сделали [свое дело] ...

Потом дела пошли получше. Поскольку на пляже образовался затор, никто не мог высадиться. Прилив поднимался, и полоса пляжа, на которую можно было высаживаться, сжималась. Пришел момент, когда высадка была остановлена до тех пор, пока мы не расчистим место. Вообще ничего не двигалось.

Вам пришлось использовать бульдозер?

Ну да, это определенно помогло, когда мы расчищали проход. Одной из проблем было то, что никто не мог высадиться, чтобы расширить плацдарм и двигаться дальше. Все было ограничено пляжем. Мы не двигались на утесы, как должны были – это была задача пехоты. А они этого не сделали, пока маленькие группки, отделения, то там то тут не соединились. А потом мы смогли высадить танки. Засыпали рвы и противотанковые ловушки, а потом просто задавили их [немцев] железом. Слава богу, что Гитлер спал. Весь их штаб был в районе Кале, они считали, что это только демонстрация. Слава Богу.

Когда вы увидели первого убитого немца?

Вероятно, за пляжем, на уступе. Позднее я видел их сотнями – в окопах, окружающих ДОТы. И вот что смешно – там взяли кучу пленных. Все очень молодые парни, и это были не настоящие немцы: это были русские, поляки - парни, обращенные в рабов. Они, я думаю, делали свою работу до той поры, пока ими командовал немецкий офицер. Когда офицера уже не было, я искренне верю, что у них больше не было желания стрелять или убивать нас. Очень часто, когда они сдавались, они говорили: «Я поляк, я поляк» или «Я русский, я русский» Они старались дать понять, что они не немцы, что их принудили. И множество пацанов, совсем молодых ребят.

Что вы думали, когда видели парней, которые были даже моложе, чем вы?

Да, было им четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет. Начинаешь удивляться. Парень, да у него, дела, должно быть, плохи, если он заставляет детей воевать. И как могут пацаны справиться с этим? Были у меня забавные мысли.

Когда вы выбрали ту винтовку с каким-то чужим серийным номером, вы использовали ее?

Нет. Вернусь к тому моменту, когда я сошел с катера. Моменту, когда упала аппарель. Я выскочил. Первое, что я сделал, - снял с плеча винтовку. Выстрелил в сторону ДОТа. Почему? До сих пор не знаю. Просто импульс, который не могу объяснить. Но я это сделал. Это был мой единственный выстрел в тот день.

О чем вы думали вечером, когда бой утих – он и в самом деле утих?

Хм, вечер... После полудня мы вернулись назад и занялись подрывом препятствий. Нас оказалось двое или трое из одного подразделения, и мы сказали: «Надо найти наших. Давайте-ка поищем их.» Мы пошли вдоль пляжа и наткнулись на пару наших приятелей. Один из них сказал, что наша часть собирается над уступом. Мы пробрались через колючую проволоку и поднялись по склону, нисколько не думая о минах. Вскоре собралась довольно большая группа наших парней, даже несколько офицеров. Нам сказали: «Нас крепко поколотили. Утром поговорим об этом. Сейчас постарайтесь окопаться здесь. Держитесь вместе» Мы нарыли окопчиков, кто-то нашел расщелину, кто что смог, и постарались продержаться ночь. Ложишься и не можешь уснуть. Пехотные части продолжали движение, танки тоже ползли от берега вглубь суши. На берегу продолжалась разгрузка [снаряжения]. Все были возбуждены и заведены, поэтому и не могли уснуть.

Позднее, тем же вечером, над нами пролетела пара немецких самолетов. Не припомню, чтобы они обстреливали нас. Они, кажется, выполняли разведывательный полет. В то время в гавани было, наверное, десять тысяч кораблей, и все они открыли огонь. Это выглядело, как *Четвертое Июля!* Не думаю, что они зацепили хотя бы один самолет, но шума было много. Многие парни схватились за винтовки, я видел офицеров, которые пытались стрелять по самолетам из пистолетов. И еще, в тот вечер кто-то закричал: «Газы!» Все перепугались. Это худшее, что могло бы случиться на войне.

У вас на тот момент был противогаз?

Да, был. Но я слышал, как другие парни кричали: «У меня нет противогаза!» Многие из них ринулись к воде, думая, что в воде они спасутся. Это было глупостью, но тревога оказалась ложной. Если бы мы тогда нашли того сукиного сына, который кричал, то его сегодня бы не было в живых. Паника продолжалась минут 15-20. Наконец, мимо нас по проходу прошла пехотная часть – они смотрели на тех из нас, кто был в противогазах, и хохотали. Оказались мы в дураках...

Ну и когда вы, в итоге, заснули?

Не думаю, что кто-то заснул в ту ночь. Мы вертелись, крутились, говорили друг с другом... Утром нас собрали, и полковник сказал нам, сколько мы потеряли, и мы поняли, какую цену заплатили. Затем мы получили приказ заняться расчисткой пляжа от обломков, несколько групп было послано на разминирование. Мин было полно, они были всюду и везде и потому отдельные группы были посланы на расчистку проходов в минных полях. По счастью, я в эти группы не попал. Разминирование – это самая худшая в мире работа.

Саперы 299-го Батальона прокладывают дорогу войскам и технике после захвата плацдарма на пляже Омаха

Кто-то из ваших парней подорвался?

Погибших не было, но троих или четверых ранило. Один из парней потерял пальцы на руках. Это мины, они калечат человека. Может, и не убьют, но покалечат. Просто ужас. Поэтому их и пытаются сейчас запретить. А немцы были экспертами в минировании, лучшими в мире. Они придумали пластиковые мины. Наши миноискатели обнаруживали металл, но не пластик, и для них не годились. Они использовали обрывные проволоки. Мины, установленные на неизвлекаемость. Если взорвешь одну - взрываются другие. Самые разные фокусы. И еще мины-ловушки. Поскольку *G.I.* любили собирать сувениры и [военную] добычу, - это инстинкт у американцев, - они забывали об осторожности. Мы многих потеряли из-за этого. Немцы минировали своих убитых. Хочешь взять эту каску? А она ведь может быть привязана к мине.

Вы сами видели что-то подобное?

Нет, но слышал о многих, очень многих таких случаях. Немцы были мастера в этом деле. У них была *Прыгающая Бетти* - если на нее наступить, она попадет тебя прямо вот туда [показывает на пах]. Я однажды шел и увидел ботинок, пнул его - а в нем нога. Я не могу рассказать вам, что такое война. Вы не поверите, во что превращаются люди. Что творилось на пляже, невозможно поверить. Там были тела, раздавленные танками. Танкист не видит ничего, он просто переезжает через людей. Надеюсь, они уже были мертвы, когда это происходило. Я помню десятки и десятки таких ситуаций. Идешь и видишь след от танковых гусениц, а парень под ними вдавлен в песок. Может, он был ранен и не мог двигаться? Я не виню танкистов. Они сидят, ничего не видят, им надо маневрировать, но это происходило так часто. Тяжко было видеть это на другой день, знаете...

Вам приходилось убирать только обломки, или мертвые тела тоже?

Нет, не имел дело с трупами. Для этого была похоронная команда (*graves registration unit*).

Наверное, это была страшная работа...

О да, ну и работенка. Я видел парней, которые несли охапки рук и ног, они тащили все это на место сбора. Насколько я понимаю, они вырыли большую глубокую траншею и просто свалили все это туда. Потом, через год или около того, после войны, они ее вскрыли, перелопатили и увезли на кладбище. Но в тот момент нельзя было оставлять трупы из-за смрада и из-за того, что это было чревато эпидемиями. Трупы надо было хоронить как можно быстрее, и парни этим занимались. Но что за работенка, собирать парней по кускам....

А ты принимаешь все, как есть, впитываешь в себя. Никто не скажет, что делать с этим. Ты сам должен перебороть себя. Кто-то справился с этим, кто-то нет. Это навсегда остается у тебя в памяти. Любой ветеран, прошедший войну, удивляется: а почему не я? Почему он убит, а я выжил? Ответа нет, но тебя это продолжает волновать. Почему этого парня застрелили, а тебя нет? Я всегда говорил себе, что сделаю все возможное, чтобы запомнить тех, кто погиб. Может быть, поэтому я и уцелел.

Оригинальное интервью - <http://www.tankbooks.com/interviews/hurlbut1.htm>

<http://www.299thcombatengineers.com/TheMen.htm>

Сокращенный перевод – Владимир Крупник

Автор приносит благодарность Юрию Дэви (Екатеринбург) и Алексею Исаеву (Москва) за помощь в переводе и редакции статьи

Возврат к главной странице www.warsstory.org